

После своего полуночного пробуждения в ту ночь Гарри проспал в общей сложности тридцать минут. Это, в дополнение к довольно... нервным занятиям, которыми они занимались прошлой ночью, каким-то образом (необъяснимо) привело к тому, что он стал раздражающе гиперактивным и переполненным адреналином. С другой стороны, Гарри подозревал, что это хорошо, что у него есть адреналин, потому что он не сомневался, что сегодня ему предстоит немало побегать с многочисленных вечеринок.

Он не смог сдержать довольно маниакальный смех, из-за чего ученики вокруг него (кроме его товарищей Мародеров) удирали от него, отводя глаза. Это, конечно, заставило его смеяться еще сильнее. К ним присоединился Сириус, а за ним Джеймс. Даже Ремус не смог сдержать пару смешков. Объединение сил злобно смеющихся Мародеров и тот факт, что они вставали в обычное время (обычно они почти опаздывали на занятия) вызвали в Большом зале массовую панику. Все столы — особенно Слизерин — отчаянно оглядывались по сторонам, и немало из них вытащили палочки.

Это, конечно же, заставило Гарри расхохотаться еще сильнее... что, в свою очередь, усилило окружающий их страх. Наконец, после добрых трех минут сплошного злобного смеха, Снейп наконец заговорил. Или кричал, правда.

«ПЯТЬ, ВЫ МОЖЕТЕ ПРОСТО ЗАТКНУТЬСЯ?» Все четверо тут же перестали смеяться, повернувшись к нему. Снейп сглотнул, сожалея о своих словах.

— Нет, Снивеллиус, — Гарри толкнул Сириуса локтем за грубое имя, но позволил ему продолжить. — Снейп, я имею в виду. Профессор зелий будущего выглядел потрясенным, услышав, как он отказался от своего «веселого и остроумного» каламбура со своим именем. «Я не думал, что ты разозлишься на нас так рано... Я не ожидал, что будешь кричать на нас, по крайней мере, до первого урока». Глаза Снейпа были выпучены, явно напуганные, и он пытался это скрыть. Бойся, Снейп. — подумал Гарри, все еще пребывая в странном бессонном настроении. Будьте очень напуганы.

Остаток завтрака прошел достаточно тихо, если не считать частых смешков Мародеров. Остальная часть Зала, казалось, была в трауре; раз или два студент подходил к Снейпу и хлопал его по плечу (к большому отвращению мальчика) и желал ему удачи тоном, подразумевающим его предстоящие похороны. Излишне говорить, что это не улучшило настроение мальчика.

Все ученики тихо и осторожно шли в класс. Они заглядывали за каждый угол, все время с подозрением следя за тем, какой Мародер был ближе всего к ним. Поначалу вроде мирно. Вокруг стояла неестественная тишина, и даже шаги были приглушены. Потом все взорвалось.

Заклинания приходили отовсюду. Первой мыслью было нападение Пожирателей Смерти — как еще сюда могло попасть столько людей, и зачем им наводить на них жезлы? Но когда эффекты заклинаний стали ясны, они поняли, что это не так. Возможно, это было единственное, что пугало их больше, чем Пожиратели Смерти. Мародеры.

" ПОТТЕР!" Визг Лили разнесся по коридору. « Когда я тебя поймаю, ты пожалеешь, что никогда не родился!» Гарри стало немного жаль своего отца.

Все (включая Гарри, Джеймса, Сириуса и Ремуса) были переведены в другое тело, включая учителей. Гарри сам просил профессора Дамблдора и сейчас был в образе престарелого волшебника, хотя это было довольно странное зрелище, когда он дико ухмылялся и крутил свои длинные усы с видом человека, совершившего что-то ужасное/удивительное/злое/великолепное. . Излишне говорить, что Дамблдор никогда этого не делал.

Джеймс справа от него был в теле профессора МакГонагалл (это тоже была его просьба), хотя держал фарс лучше, чем Гарри. Внезапно по коридору промчалась топающая фигура первокурсника Слизерина. Студенты расступались перед ней, даже картины сжимались от сочувствия к тому, кто был в конце ее ярости.

" ПОТТЕР!" Маленькая девочка завизжала. Она попыталась перекинуть волосы через плечо, но потерпела неудачу, так как волосы у девочек были коротковаты. Это сделало его еще более комичным, чем оно было, но не уменьшило злость сердитого первокурсника. Она подошла к телу Джеймса — неизвестно, чья душа наполнила его, — и посмотрела на него (или на нее, возможно) прищуренными глазами.

"Что ты сделал!" Джеймс выглядел нехарактерно испуганным и запуганным. Он неловко поерзал, а потом заикался.

«Э-э-э... Я н-не думаю, что у вас есть п-правильный п-человек, мисс...» — он замолчал и, сгорбившись, поспешил прочь. Впервые с тех пор, как он встретил ее, Лили выглядела совершенно ошеломленной. (Хотя было бы гораздо приятнее увидеть это редкое выражение на ее лице.) Ей даже в голову не пришло, что он мог сменить свое тело на другое.

Она пришла в себя и резко развернулась, глядя вверх на все фигуры, теперь уже на фут выше ее, позади нее. Она говорила тихо, но угрожающе, со слизеринским блеском в глазах. "Где он?"

Спросила она. Джеймс в образе МакГонагалл сглотнул. Затем он сумел прийти в себя и сказал своим (хорошо отработанным) строгим голосом:

— Я предполагаю, что это вы, мисс Эванс? Она обернулась, приподняв брови.

"Профессор?" — нерешительно спросила она. — Учителей не меняли? Несколько секунд она выглядела крайне подозрительно, осматривая МакГонагалл/Джеймса с ног до головы критическим взглядом. Затем,

"Ах ха!" Она торжествовала. «Они, должно быть, думают, что было бы забавнее сказать, кто учителя, чтобы они могли видеть их реакцию!» Джеймс выглядел совершенно удивленным, что она попала на эту удочку, но не поправил ее, только кивнул.

— Хорошая гипотеза, мисс Эванс. Директор? Голова царственной головы гриффиндорца повернулась к Гарри. "Что вы думаете?" Гарри взмахнул палочкой (это осталось незамеченным под его развевающимися рукавами), направив ее себе в глаза. Это подействовало, и его глаза за очками сразу же заблестели. Он слегка снисходительно наклонил голову к ним и глубокомысленно улыбнулся.

— У меня такое чувство, что мисс Эванс может быть права, Минерва. Гарри чуть не рассмеялся: «Минерва». Было просто странно не называть ее ни «Минни», ни «профессор». «Похоже, им бы это понравилось». Он вытащил лимонную дольку из потайного кармана халата и сунул ее в рот.

Его дамблдорские манеры, казалось, убедили Лили, теперь уже первокурсницу, потому что она снова повернулась к Джеймсу-МакГонагалл и сказала:

"Нам следует найти самих шутников, профессор?" Джеймс, которому это очень нравилось, быстро кивнул и взмахнул длинными мантиями голов, развернулся и направился вверх по лестнице на второй этаж. Они исчезли вместе, оставив Гарри одного в образе директора.

Студенты смотрели на него слегка благоговейно, отчего ему было не по себе. К счастью, хотя это и было его большим огорчением, он привык к нежелательному вниманию, поэтому едва отводил взгляд, когда шел в стиле Дамблдора к Большому залу.

Толпа ловко расступилась перед ним, несмотря на замешательство. Он добрался до Большого зала в рекордно короткие сроки и тут же направил палочку себе на горло и прошептал:

— Сонорус , — он поднялся на учительскую платформу и начал говорить.

"Тише, студенты!" Они на секунду замолчали, вздрогнули, но тут же снова заговорили. Гарри не слишком удивился такому поведению; в конце концов, они застряли в теле другого человека. Он не мог винить их.

Он вытащил свою палочку и безмолвно взмахнул ею перед толпой, думая: Силенсио.

Обычно он не стал бы использовать такие заглушающие чары большой площади, когда он, вероятно, мог бы заставить их молчать другим способом, но это было то, что сделал бы Дамблдор и его, казалось бы, бесконечный запас магической энергии, и поэтому он так и сделал. Он окинул взглядом море сменяющих друг друга студентов перед собой. Большинство из них все еще недоверчиво осматривали себя.

«Кажется, нас разыграли». Гарри не выглядел сердитым, как это было в духе Дамблдора, и ученики что-то бормотали. «Я сам пытался снять это заклинание. При нормальных обстоятельствах это сработало бы, без сомнения. Но, похоже, несколько учеников были достаточно умны, чтобы создать защиту или какое-то уникальное заклинание над школой».

— Почему вы не переоделись, профессор? — раздался из толпы непонятный голос.

«Кажется, часть их маленькой шалости, — кто-то сердито пробормотал при слове «маленькая», — заключалась в том, чтобы уйти от учителей. Скорее всего, для того, чтобы увидеть их реакцию». Гарри не мог не заметить нескольких человек в толпе (четырёхкурсник Рэйвенкло, семикурсник Слизерина и первокурсник Хаффлпаффа, что наиболее заметно), пытавшихся заговорить, но безуспешно из-за заглушающих чар, наложенных Сириусом и Ремусом. Это будут измененные учителя. Он едва удержался от смеха, когда увидел миниатюрную блондинку-второкурсницу (он подумал, что ее могли звать Джози или Джин), царственно стоящую с мерцающими глазами. Он не сомневался, что это, несмотря ни на что, был сам Дамблдор. Он также не сомневался, что директор наслаждается этим.

— Что нам делать, профессор Дамблдор? Сказал нервный, застенчивый голос. Этот голос комично исходил из тела Антонина Долохова. Тело Долохова неудобно съеживалось и, очевидно, не привыкло ни к его росту, ни к его естественному, жестокому обращению. Гарри надеялся, что настоящий Долохов мог видеть его тело прямо сейчас, из того тела, в котором он сейчас жил.

Гарри сделал вид, что задумался, хотя заранее решил, что сказать в ответ на этот вопрос.

«Профессора МакГонагалл, Спраут и Одольфус?» Трое профессоров, его переодетые товарищи Мародеры, выпрямились. — Не могли бы вы подойти сюда, пожалуйста? Никто из троих ничего не сказал, просто кивнул и ступил на платформу, на которой стоял Гарри. Гарри, в другом дамблдоровском (хотя и довольно ненужном) показе магической силы, использовал беспалочковую магию, чтобы создать вокруг них заглушающий барьер. Он специально решил не использовать Muffliato, поскольку создатель в настоящее время стоит в толпе.

Женственный Дамблдор-первокурсник впервые выглядел пораженным. Теперь она (или он) начала хмурить брови, пытаясь понять, кто из четверых, скорее всего, был в состоянии это сделать. Гарри оторвал взгляд от директора и снова посмотрел на других «учителей».

«Помни, — на этот раз он говорил больше своим собственным стилем речи, — хотя они не могут нас слышать, они могут нас видеть. Сохраняй характер». Сириус — профессор Одольфус — кивнул, выглядя (нарочито) как перевозбужденный ребенок. Джеймс чопорно кивнул, точно подражая строгому учителю Трансфигурации.

"Сладкий." Гарри чуть не расплакался, услышав это слово — разумеется, на сленге — из уст профессора. — Итак, как только мы объявим расписание, я иду в класс трансфигурации... — Ремус оборвал его, стараясь строго смотреть на тело Спраут.

— Мы все знаем, Джеймс. Я хожу в теплицы, а Сириус — в защиту. А Гарри... — он неуверенно замолчал. — Что именно делает Гарри? Что бы сделал Гарри? Подняться в «его» офис? Гарри сглотнул, хотя и смог выдать их любопытной публике за улыбку. Дерьмо.

«Почему бы мне не...» — он напряг мозги. Чем занимался Дамблдор в свободное время? "Я мог бы... пойти в Хогсмид?" Остальные трое непонимающе посмотрели на него. "Шучу, шучу..." В основном.

«Почему бы тебе не выйти на улицу и не притвориться, что готовишься к основным событиям?» Это был Сириус, звучавший (и действовавший) хорошо... на этот раз серьезно. Сердце Гарри поднялось.

«Хорошая идея, Сириус. Ладно, теперь я сниму оберег молчания». Он снова почти пассивно взмахнул рукой, и раздался едва заметный шипящий звук, когда оберег исчез.

Гарри не повернулся, чтобы посмотреть на «Дамблдора», был уверен, что его (или ее) глаза сузились, пытаясь понять его. Гарри/Дамблдор начал говорить в обычной для этого человека величественной манере.

— Начнем занятия, как обычно, — раздался всеобщий стон, — со второго урока. Приветствие. «После второго урока все ученики и сотрудники должны выйти на территорию, где мы... встретимся, так сказать?» Шипящий шепот пронесся по залу, все ученики говорили в то или иное ухо.

— Это понятно? В основном раздавались одобрительные возгласы, за исключением одного женского голоса спереди. Это оказалась высокая темноволосая девочка, скорее всего, 5-го или 6-го курса.

— Профессор Дамблдор, — с сомнением сказала она, — на какие занятия нам пойти? На занятия нашей... души или тела? Это был хороший вопрос, и его ждали четверо «профессоров». Как они и планировали, ответил Ремус.

«Я бы предпочел, чтобы вы пошли на урок тела, которое у вас сейчас есть. Это верно, директор?» Гарри кивнул, едва сдерживая ухмылку. Старший мастер. Хе.

«Причина этого в том, что, уважая вашу частную жизнь, некоторые из вас могут не захотеть, чтобы тело, в котором они сейчас находятся, было раскрыто». Было несколько кивков и вздохов облегчения; а также несколько стонов раздражения. «Однако мы не ожидаем, что вы все будете знать, какие классы у вашего... эээ... тела в течение первых двух периодов, поэтому профессор МакГонагалл любезно составила расписание.

Джеймс взмахнул палочкой (он практиковал это много раз до этого), и на каждом столе дома появилось несколько больших стопок бумаги в семи стопках. Студенты с любопытством подкрались к газетам, отыскивая свое имя в списках и находя свои расписания.

Минуту или две спустя все ученики изучали свои работы — одни выглядели расслабленными, другие (по понятным причинам) напряженными. Это, однако, часть удовольствия. Гарри подумал про себя. Наверняка будет интересно посмотреть, как первокурсники учатся в

седьмом классе, а семикурсники — в первокурсниках. БУАХАХАХАХА!

Если бы кто-нибудь из нынешней аудитории знал об оккультизме (хотя было сомнительно, что они смогли бы прорваться сквозь объединенные силы щитов Гарри и подвески Дамблдора, в которую была заколдована дополнительная защита), они бы очень испугались.

— Теперь все ясно? — спросил Гарри, снова заставив свои глаза мерцать взмахом палочки. Послышались рассеянные кивки. "Отлично!" Он хлопнул в ладоши один раз, и свет стал ярче. «А теперь, ученики, идите к назначенным вам классам. Если у вас есть какие-либо вопросы о размещении в классе, вы можете задать их мне или профессорам МакГонагалл, Одольфусу или Спраут.

С этими словами ученики — большинство из которых все еще выглядели растерянными, взволнованными или испуганными — медленно вышли из зала к занятиям; лишь несколько человек отстали, чтобы задать вопросы. Не в первый раз за день Гарри подавил ухмылку. Однако на этот раз (во всяком случае, после того, как студенты ушли) он не стал сдерживаться и расхохотался вовсю. Его смех, странно похожий на кашель и звучащий как старый, чуть не остановил его. Чувак, это действительно странно слышать чей-то голос из моих уст.

Он был один в Большом Зале, и его поразило, что это был первый раз, когда он был там без кого-либо еще. Даже призраки покинули его, очевидно, наблюдая, как распутывается странность. Холод пробежал по его спине. В комнате царило безошибочно предчувствие. Но опять же, рассуждал он, это самая крупная шутка, которую когда-либо проворачивали Мародеры. Что-то обязательно пойдет не так.

Если бы он только знал, как все пойдет не так.

Гарри, завершив приготовления всего за полчаса, смеялся громче, чем когда-либо. Он откинулся на спинку кресла директора в слишком знакомом кабинете Дамблдора, глядя на задумчивого человека с каменным дном. Обычно он не использовал бы его без разрешения (время, которое он случайно получил на четвертом курсе, не считается), но он не вторгался в частную жизнь, так что он предположил, что это не считается. Это было похоже на использование чужого телевизора. Потенциально немного неудобно, если они войдут, но не настолько, чтобы разозлить их.

В настоящее время он подключался к различным магически измененным видеокамерам, которые он стратегически разместил в каждом классе. Суммируя; вся школа была в полном столпотворении. В настоящее время он смотрел урок травологии, на котором присутствовала женская форма Дамблдора. Все студенты были еще громче, чем обычно, с любопытством глядя друг на друга. Так как это был относительно низкоуровневый класс, большинство учеников выглядели скучающими — они узнали об этом много лет назад. Однако из-за упомянутой скуки происходило много других вещей.

Во-первых, темноволосый мальчик с легкостью швырял по комнате плюющие шарики. Спраут/Ремус заметил и немедленно изгнал их, хотя Гарри видел, что это причиняло ему боль.

Но хорошо, что он соблюдал приличия. Студенты, на этот раз, знали, что никаких последствий для любой проблемы, которую они создали, не будет. Как они могут быть в беде? Учителя не знали бы, кого наказать или даже с какого факультета снять баллы!

Осматривая комнату, он увидел людей, проклинаящих растения (наиболее популярными вариантами были проклятия летучих мышей и выборочные усиливающие чары), друг друга (заглушающие чары, обычно сопровождаемые щекочущими проклятиями) и почти все, на что они могли нацелиться. в комнате.

Однако магические шалости отнюдь не были пределом их воображения. Гарри заметил, как кто-то соорудил ведро с водой над дверным проемом оранжереи и вылил сок Муртсап (апельсиновый сок с маслянистой текстурой) на пол вокруг нескольких других студентов.

Однако само по себе это обычно не стоило бы смеха, как сейчас выдавал Гарри. Дамблдор во всей своей миниатюрной светловолосой красе вызывает полный хаос и замешательство. Будучи самым известным волшебником 19-го и 20-го веков, он, по-видимому, усвоил несколько хороших заклинаний для розыгрыша. Гарри ранее пытался составить список их эффектов (чтобы воспроизвести позже), но давно уже был вынужден остановиться из-за смеха и слез радости, лившихся по его щекам.

По комнате было наложено заклинание забвения (хотя защищенная от заклинаний видеочамера была сохранена), что заставило обитателей полностью... ну... не обращать внимания на то, что он делал. Или она?

Он начал с простых заклинаний. Изменение цвета волос и тому подобное. Это само по себе вызвало несколько улыбок у Гарри, но когда ты жил с Мародёрами (тем более, когда ты был Мародёром), у тебя были гораздо более высокие стандарты. Затем началось самое интересное. Теперь у каждого растения была ярко-розовая мигающая булавка, прикрепленная к стеблю или листу. Каждый из логотипов был разным — некоторые говорили что-то вроде: «Кукуруза = лучшая зубная паста Da'» (совершенно лишнее юмора, но веселое заявление), в то время как другие провозглашали такие вещи, как «Фестралы: вестники неудачи или неправильно понятые умершие пони». ?" Это также был выдающийся пример единственного в своем роде юмора Дамблдора.

Кроме того, он развесил по комнате рождественские украшения (некоторые из них включали окаменевших домовых эльфов) и заколдовал рубашку каждой девочки, чтобы она спела «Fergilicious» (хотя юмор был потерян для чистокровных и многочисленных полукровок), в то время как мальчик пел : "Сексуальная спина".

В совокупности это было одним из самых странных зрелищ, которые Гарри когда-либо видел. И это о чем-то говорило.

Наконец, он заставил себя оторвать взгляд от этого экрана и посмотреть на комнату Трансфигурации. В этой комнате проживали (что интересно) недавно заселенные тела Джеймса, Сириуса, Ремуса и его самого, а также Северуса Снейпа и нескольких других

будущих Пожирателей смерти.

Прежде всего он окинул комнату глазами; принимая во внимание все новообразованные привычки тел. По крайней мере, Джеймс вел себя нормально. Он выглядел смутно скучающим, хотя его рука старательно делала заметки, казалось бы, сама по себе. Если бы Гарри пришлось гадать, он бы поставил на то, что это старшекласник Рэйвенкло. Сириус, с другой стороны, вел себя совершенно не в своем характере. Он нервно сидел, скрестив колени и выпрямив спину. Он внимательно делал заметки, писал плавным каллиграфическим почерком.

Гарри довольно долго просто смотрел на него и смеялся. Питеру также выделили специального человека, с которым можно было переключиться. На секунду Гарри раскаялся в их новом отношении к самому маленькому члену их общежития. Потом он вспомнил, кого ему было жаль. Крыса. Гарри бесполезно смотрел на пухлого мальчика со слезящимися глазами, когда тот хлопнул себя по лицу Джеймса. Это было похоже на подмену Питера довольно... эффективным шутником. В настоящее время в теле указанной крысы проживал Дэниел Токсворт.

Гарри был несколько удивлен, услышав от своего отца (от которого у него никогда не переставал мурашки) о Дэниеле Токсворте; или чаще - Дан. Он возглавлял своего рода разбавленную версию Мародеров вместе с Амосом Диггори и Родриком Бутом. Все трое были пуффендуйцами и гордились этим. Однако, в отличие от Мародеров, они шутили исключительно для того, чтобы развлечь Хогвартс и вызвать больше смеха в его залах. Смех, которого в наши дни было трудно найти. Они сосредоточились на неотслеживаемых розыгрышах, вдохновленных маглами. Гарри испытывал к ним определенное уважение, и ему стало немного стыдно, когда он понял (по сравнению с ними), что Мародеры были довольно незрелыми и корыстными. Или, по крайней мере, подумал он с некоторой гордостью, они были до того, как я появился.

Гарри снова фыркнул в сторону Дэна, который к этому времени сменил тактику и висел на перекладинах куполообразного потолка своими (хорошо преобразованными, как отметил Гарри) орангутангскими руками. Хотя остальной класс не мог этого сказать (они знали Джеймса и вполнину не так хорошо, как Гарри, и никогда бы не поверили, что он способен сдерживать смех), он знал, что Джеймс изо всех сил старался разразиться хохотом. приступ смеха. Вместо этого обычно строгий профессор присудил ему десять баллов Хаффлпаффу за «превосходное превращение человека в животное». Это было встречено общим удивлением и недоверчивым фырканьем.

После наблюдения за довольно нехарактерными, новыми привычками Ремуса (тело Ремуса, по-видимому, присвоил какой-то бездельник — забавное зрелище) и Лили (в которой жил персонаж, разочаровывающе похожий на нее), Гарри заставил себя взмахнуть палочкой и изменить экран к следующему классу.

В Комнате Защиты Сириус рассказывал классу очень сбитых с толку четверокурсников Рэйвенкло и Гриффиндора об опасностях нападения красных шапок. Он то говорил довольно быстро, то заводился; до мучительно ленивой и медленной монотонности. Это было не так уж далеко от обычного характера профессора, и, хотя несколько студентов вели себя немного подозрительно, ни один из них не высказал никаких сомнений относительно личности своего учителя. По-видимому, это не стоило того, чтобы терять баллы факультета. Нет, подумал

Гарри, что Сириус согласится. Или чтобы он знал, из какого дома брать.

Уровень развлечений в этом классе был снижен, так как он не знал никого из четверокурсников Рэйвенкло или Гриффиндора, кроме одного - Ксенофилиуса Лавгуда. Вернее, его тело. Хотя, если бы Гарри пришлось угадывать, он лично думал, что душа старого Ксено обитала в теле Теодора Нотта (первого) еще в Трансфигурации. Он сделал несколько замечаний по поводу того, что Нарглс был причиной этой перемены, и вообще у него был затуманенный взгляд.

Однако тело Ксенофилиуса, казалось, полностью погрузилось в урок. Гарри предположил, что его населяли второкурсники или третьекурсники, которые на самом деле еще не знали, что такое красные шапки. Он почувствовал легкий укол жалости к бедным, «невинным» новичкам, которые, без сомнения, были разбросаны по школе и с тревогой пытались понять учебный материал. Хотя это, безусловно, делает его более интересным.

Закончив наблюдать за сомнительными способностями Сириуса к обучению, Гарри пробежался по другим классам. Чары... Астрономия... Руны... и так далее. Это было не так интересно, преподавали обычные учителя (хотя они и не подозревали о том, что Мародеры были в телах нескольких их товарищей), хотя он несколько раз усмехнулся, увидев знакомое лицо.

Среди них была Рита Скитер (теперь стреляющая шариками из-под платка Трелони и рисующая лица на хрустальных шарах, которые они изучали), которую Гарри принял за Тонкс (делающая прилежные записи в своем теле-первокурснике) и Билл Уизли.

Гарри просидел в кресле Дамблдора тридцать минут, прежде чем позволил себе признать ужасную правду... Мне скучно.

После еще одного долгого часа довольно раздражающей скуки, наконец, пришло время начать Главное Событие. (Гарри сурово подумал, что это заслуживает капитолийской грамоты.) Все было на месте. Он ждал снаружи, сидя в расслабленной позе — бездельничая (на манер Дамблдора) спиной к мягкому шезлонгу.

Наконец из оранжереи вышли первые ученики, выглядевшие взволнованными. Такие вещи случались не часто. Гарри/Дамблдор подождал еще минут десять, прежде чем собралась вся школа и с изумлением огляделась вокруг. Обычно это был шумный гомон, но сегодня никто не знал, с кем поговорить.

Некоторые искоса смотрели на свои тела, снова выглядя испуганными. Третьи все еще (пытались) шутить. За пять минут у Гарри было как минимум 25 розыгрышей, четыре или около того маггловских розыгрышей и множество других попыток разыграть седовласого директора Хогвартса.

Гарри, тем не менее, ничуть не винил их — ему нравилось уворачиваться от их попыток и слышать единодушные стоны, когда очередная «атака» не удалась.

Когда все уgomонились, он начал говорить: «Студенты и сотрудники Хогвартса». Все oживились. Редко Дамблдор был таким формальным. Гарри практически видел, как их мысли переворачиваются. «Мы собрались здесь сегодня, чтобы начать то, что, я надеюсь, станет ежегодной традицией». Он дал несколько секунд, чтобы шепот вопросов пронесся по его аудитории.

«Фестиваль, своего рода». Гарри внутренне вздохнул. Это было предметом споров между мародерами (включая его). Джеймс и Сириус хотели, чтобы эта часть дня стала еще одной, более широко распространенной шуткой. Ремус и он, однако, проголосовали за фестиваль — надеялись, что он станет традицией в Хогвартсе и небольшим перерывом в последующие годы.

Они предположили, что это будет гораздо лучший способ стать известным на долгие годы. Они уже получили звание «Худшей» (или лучшей, в зависимости от вашей точки зрения) «Группы розыгрышей» учителей — неофициально, конечно. Это сделало бы их известными людям для будущих поколений! Сириус и Джеймс в конце концов согласились, хотя и были немного раздражены.

"Фестиваль?" Из тела пуффендуйца донесся уничтожающий голос — необычное явление. — Разве это не маггловское дело? Гарри слегка осуждающе посмотрел на студента.

"Нет, мой дорогой мистер Гойл, это не так." Послышались рассеянные смех и шепот, что одному из слизеринских «силовиков» дали тело Хаффлпаффа. Гарри, конечно, знал, кто он такой, поскольку они лично выбирали все тела своих врагов.

«Фестиваль — это совсем не маггловское дело, хотя в первую очередь не стыдно наслаждаться маггловскими вещами. Фестиваль — это просто праздник, очень похожий на Рождество. Я могу добавить, что это придумали мои магглы». Несколько человек мрачно и с любопытством перешептывались при этом.

- Теперь начнем с... Но дальше этого он так и не пошел. Потому что, как только он начал объяснять, чем он занимался сегодня, случилось немыслимое. На секунду воцарилась тишина. Гарри моргнул. Это действительно происходит?

Затем воздух пронзил крик одинокой девушки. Прибыли Пожиратели Смерти.

<http://tl.rulate.ru/book/83332/2664712>